

УДК 1(09)
ББК 87.3(2)522-685

Владимир Витальевич Сидорин

Институт философии Российской академии наук, кандидат философских наук, научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

Современные исследования философии Владимира Соловьева: Томас Немет¹

Аннотация. Статья посвящена исследованиям по истории русской философии крупнейшего современного американского специалиста Томаса Немета, в частности его работам, связанным с рецепцией в России кантовской философии, феноменологии, а также творчеством Вл.С. Соловьева. Рассматривается ключевой тезис автора, согласно которому русская философия исторически характеризовалась слабым интересом к эпистемологической проблематике, что сказалось и на путях развития «кантианских штудий» в России: восприятие идей немецкого мыслителя было задано этической и онтологической перспективами, что привело, в том числе, и к тому, что так называемый онтологический поворот, начавшийся в немецком неокантианстве последней четверти XIX – первой четверти XX века, оказался во многом созвучен русской философии начала прошлого столетия. Утверждается, что ключевую роль в подобном восприятии кантовской философии сыграл Вл. Соловьев. Критически осмысливается интерпретация Т. Неметом соловьевского наследия как свидетельство неудачи собственно философского проекта, рассматривается тезис автора о присущей философии Вл. Соловьева «онтологической ошибке», якобы не позволившей русскому философу при всей глубине постановке философских проблем разработать в должной мере пути их разрешения. В стремлении осмыслить русскую философскую традицию как целостность Немет продолжает, хотя и с рядом оговорок, линию ее гуманистической интерпретации. Новый перевод «Оправдания добра» на английский язык, выполненный Т. Неметом, сравнивается с прежним переводом Н. Даддингтон, имеющим широкое хождение в англоязычном мире. Делается вывод о сравнительных преимуществах нового перевода.

Ключевые слова: русская религиозная философия, онтологизм, гуманистическая интерпретация русской философии, неокантианство, онтологическая ошибка, эпистемология

Vladimir Vitalyevich Sidorin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, PhD in Philosophy, Research Scientist, Russia, Moscow, e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

Contemporary Studies of Vladimir Solovyov's Philosophy: Thomas Nemeth

Abstract. The article examines the research of Thomas Nemeth, the largest modern American specialist in the history of Russian philosophy, related to the reception of Kantian philosophy, phenomenology in

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00764а «Современная зарубежная рецепция русской философии». The study was conducted with the financial support of a grant from Russian Foundation for Basic Research (Project No. 19-011-00764a “Contemporary foreign reception of Russian philosophy”).

Russia, as well as the work of V.S. Solovyov. Russian philosophy has historically been characterized by a weak interest in epistemological problems, which affected the ways of development of “Kantian studies” in Russia: the perception of the ideas of the German thinker was set by ethical and ontological perspectives, which led, among other things, to the fact that the so-called ontological turn, having started in German neo-Kantianism in the last quarter of the XIX – first quarter of the XX centuries, was largely consonant with Russian philosophy of the beginning of the last century. It is concluded that the key role in such a perception of Kantian philosophy was played by the early VI. Solovyov. The article T. Nemeth's interpretation of Solovyov's legacy is critically comprehended as an evidence of the failure of the philosophical project proper, the author's thesis about the inherent “ontological error” of V. Solovyov's philosophy, allegedly not allowing the Russian philosopher, with all the depth of the formulation of philosophical problems, to develop ways to resolve them properly, is analyzed. The conclusion is made that trying to comprehend the Russian philosophical tradition as a whole, Nemeth continues, albeit with a number of reservations, the line of its humanistic interpretation. The new English translation of “The Justification of Good”, made by T. Nemeth, is compared with the previous translation made by N. Duddington, being widely used in the English-speaking world. The conclusion is made about the comparative advantages of the new translation.

Key words: Russian religious philosophy, neo-Kantianism, ontologism, humanistic interpretation of Russian philosophy, ontological error, epistemology

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.3.033-045

Наследие Вл. Соловьёва – отечественный историко-философский феномен, неизменно привлекающий внимание западных исследователей, рассматривающих его не только в качестве значимого фактора формирования русской философской традиции, но и в качестве источника вдохновения для целого ряда представителей западной богословской (как протестантской, так и католической) и религиозно-философской мысли. При этом на протяжении почти всего XX столетия безусловное первенство в научно-исследовательском освоении идей Вл. Соловьёва, их рецепции и интерпретации принадлежало Германии. Именно с немецкими научными кругами, в частности, связан и выдающийся исследовательский проект в области соловьевоведения, до сих пор не имеющий аналогов даже в России, – 9-томное критическое издание сочинений мыслителя под редакцией В. Леттенбауэра, В. Шилкарского, Л. Мюллера и др. (1954–1980 гг.). После окончания проекта, ухода из жизни или выхода на академическую пенсию представителей этого поколения исследователей русской философии интенсивность немецкоязычных штудий философии Вл. Соловьёва в начале XXI в. значительно уменьшилась, хотя в конце XX – начале XXI века проявили себя и целый ряд представителей нового поколения немецких исследователей русской философии – Д. Белкин, Х. Шталь, М. Альтмайер и др. Вместе с тем этот период был отмечен и плодотворной научно-исследовательской деятельностью американского специалиста по истории русской философии – Томаса Немета, работы которого, с нашей точки зрения, позволяют считать его одним из лидеров западного соловьевоведения и, говоря шире, западной историографии

русской философии. Крупные работы Т. Немета о Вл. Соловьеве *The Early Solov'ev and His Quest for Metaphysics* (2014 г.) и *The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia* (2019 г.) не остались незамеченными в отечественных историко-философских и философских кругах². Однако штудии Т. Немета и рецепция им отечественной философской мысли еще не становились предметом целостного рассмотрения. В связи с этим мы предприняли попытку отчасти восполнить этот пробел и дать представление о современной англоязычной рецепции русской философии, одним из общепризнанных лидеров которой является Томас Немет.

Научно-исследовательские интересы Т. Немета на протяжении всех десятилетий его научной биографии достаточно постоянны: они неизменно связаны с философией Канта, феноменологией и историей русской философии. При этом последний интерес несет на себе отпечаток первых двух: важнейшие результаты штудий Немета посвящены истории рецепции идей Канта в России и философскому проекту Густава Шпета³.

В монографии, посвященной истории рецепции кантовской философии в России, автор анализирует обширный историко-философский материал XVIII–XX веков – от жизни Канта в Российской империи до философии Б.В. Яковенко и Б.А. Фохта: перед читателем разворачивается панорама – пусть и в конкретно заданной перспективе – истории отечественной философии почти во всем многообразии ее форм и направлений. Но при всем этом многообразии именно фигура Канта неизменно вызывала отклик: философия немецкого мыслителя стала ключевым фактором того европейского интеллектуального контекста, в котором исторически происходило рождение и становление философской мысли в России. Ключевой тезис автора заключается в том, что русская философия исторически характеризовалась слабым интересом к эпистемологической проблематике, что сказалось и на путях развития «кантианских штудий» в России. Для русских философов Кант стал онтологом, прежде всего и преимущественно интересовавшимся, каким образом и до какой степени возможна метафизика, раскрывающая то, что есть. При этом на страницах монографии не раз прорывается крайне критическое отношение автора к подобной, онтологической интерпретации философии Канта, ставшей в России определяющей. По мнению Т. Немета, многие идеи кантовского теоретического наследия, ход его аргументации – все, что могло бы оспорить такую интерпретацию Канта, как правило, сознательно или невольно «выносилось за скоб-

² См.: Межуев Б.В. Как Владимир Соловьев не стал Эдмундом Гуссерлем (Размышления над книгой Т. Немета) // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 139–147 [1]; Межуев Б.В. Первое путешествие на темную половину. По поводу книги Томаса Немета «Поздний Соловьев. Философия в имперской России» // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 150–159 [2].

³ Nemeth T. Kant in Imperial Russia. Springer, 2017 [3]; Shpet G. Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology // ed. and transl. by T. Nemeth. Springer, 2019. 304 p. [4]; Nemeth T. Gustav Shpet's Path Towards Intersubjectivity // Husserl Studies. 2014. Vol. 30, № 1. P. 47–64 [5]; О феноменологической традиции в русской философии см. также: Nemeth T. The Young Losev As Phenomenologist // Studies in Eastern European Thought. 2015. № 67. P. 249–264 [6].

ки» и игнорировалось. Это касалось даже тех, кто, казалось бы, пытался активно работать с кантовским философским наследием: «Даже самый убежденный сторонник Канта в имперской России – Александр Введенский – уделил скудное внимание тонкостям кантовской аргументации и позиции, предпочтя бросить вызов своим соотечественникам на их же собственной философской территории, определенной их философскими интересами» [3, р. 10]. Эта особенность, или даже ограниченность, развития отечественной философской мысли в XIX – первой четверти XX века усиливалась тем обстоятельством, что, несмотря на определенный рост научной конкуренции, исследовательская жизнь фактически сосредоточивалась лишь в университетах Москвы и Санкт-Петербурга, что не могло не ограничивать процесс становления и развития различных философских школ, направлений и конкуренции между ними.

Восприятие идей немецкого мыслителя неизменно было задано этической и онтологической перспективами, что привело, в том числе, и к тому, что так называемый онтологический поворот, начавшийся в немецком неокантианстве последней четверти XIX – первой четверти XX века, оказался во многом созвучен русской философии начала прошлого столетия. И важнейшую роль здесь, по мнению Немета, сыграл именно ранний Вл. Соловьев, который «в одиночку продолжил начатое Юркевичем онтологическое ниспровержение кантовской эпистемологии»⁴. Примечательно, что в главе, посвященной восприятию Канта Владимиром Соловьевым, автор делает акцент на эволюции русского мыслителя в этом отношении: если ранний Соловьев в своей критике Канта находился под влиянием гегелевской точки зрения и распространенной в то время феноменологической интерпретации кантовского наследия, то Соловьев времен написания «Оправдания добра» (1890-е гг.) при сохранившемся критицизме уже пытался творчески использовать априоризм Канта и его идею автономности этического для обоснования важнейших предпосылок собственной религиозной философии.

Весьма нехарактерной для западных исследований особенностью штудий Немета является его стремление к детальной реконструкции историко-философского и, говоря шире, интеллектуального контекста рассматриваемой им эпохи. Через все его исследования красной нитью проходит чрезвычайно важная, с нашей точки зрения, методологическая установка: только детальная реконструкция интеллектуального контекста творчества того или иного философа, многочисленных и многоплановых идейных влияний и полемических линий – в том числе и в данном отношении даже в первую очередь – с мыслителями, условно говоря, «второго эшелона», может сформировать ту объемную историко-философскую панораму, которая не только восстанавливает историческую справедливость, но и углубляет наше знание об отечественной философской истории. В целой серии статей, опубликованных в 1990-х годах, Немет

⁴ См.: Nemeth T. Kant in Imperial Russia. С. 178.

обращается к анализу философских идей таких мыслителей, как А.И. Введенский, Н.Г. Дебольский, В.В. Лесевич, П.Л. Лавров, П.Д. Юркевич, В.Н. Карпов⁵, не только плохо знакомых западному читателю (не в последнюю очередь, из-за языкового барьера), но и далеко не всегда учитываемых в отечественных исследованиях. Философия этих и других мыслителей, зачастую обходимых вниманием в научно-исследовательской литературе, становится предметом анализа как в работе Т. Немета, посвященной рецепции идей Канта в России, так и в его монографиях «Ранний Соловьев и его поиск метафизики» и «Поздний Соловьев. Философия в имперской России». Детальное знание историко-философского контекста России второй половины XIX века позволяет Немету в своих соловьевских штудиях не только выявлять разнообразные грани философского наследия Вл. Соловьева, углублять анализ и интерпретацию этого наследия, но и демонстрировать насыщенность русской философии последней четверти XIX века, часто как бы остающейся в тени философского творчества следующего поколения интеллектуалов Российской империи.

Особенностью формируемого Неметом образа Соловьева – на что уже указывалось в откликах на его монографии – является идея о своеобразной неудаче именно философского проекта русского мыслителя: раз за разом исследователь пытается показать, как в своих работах Соловьев ставит глубочайшие философские проблемы, причем на самом высоком для своего времени уровне развития европейской философии, но при этом каждый раз его мысль от постановки проблемы и задавания контуров ее решения как бы уходит в сторону – будь то область мистики, практических вопросов или религиозной метафизики. В монографии, посвященной позднему Соловьеву, Т. Немет как бы подытоживает в этом отношении свои многолетние штудии: «К сожалению, мы снова и снова встречаем в философских трудах Соловьева постановку серьезных философских проблем только для того, чтобы увидеть их отброшенными в напрасной погоне за какой-то метафизической темой» [13, с. 296]. В качестве одного из примеров Немет приводит глубочайшую постановку проблемы субъекта сознания в «Теоретической философии», после чего Вл. Соловьев, по его мнению, вместо того чтобы продолжить развивать научно-философское осмысление этой проблемы, например, в феноменологическом плане, развитом позднее Густавом Шпетом, или в социологическом ключе Эмиля Дюркгейма, уходит в пантеизм, в силу чего покидает пространство собственно философских раз-

⁵ См.: Nemeth T. Aleksandr I. Vvedenskij on Other Minds // *Studies in Eastern European Thought*. 1995. № 47. P. 155–177 [7]; Nemeth T. From Neo-Kantianism to Logicism: Vvedenskij's Mature Years // *Studies in Eastern European Thought*. 1999. № 51. P. 1–33 [8]; Nemeth T. The Rise of Russian Neo-Kantianism: Vvedenskij's Early 'Critical Philosophy' // *Studies in Eastern European Thought*. 1998. № 50. P. 119–151 [9]; Nemeth T. Debol'skij and Lesevič on Kant: Two Russian Philosophies in the 1870-s // *Studies in Eastern European Thought*. 1993. № 45. P. 281–311 [10]; Nemeth T. Kant in Russian: Lavrov in the 1860-s – A New Beginning? // *Studies in Eastern European Thought*. 1992. № 43. P. 1–36 [11]; Nemeth T. Karpov and Jurkevič on Kant: Philosophy in Service to Orthodoxy? // *Studies in Eastern European Thought*. 1993. № 45. P. 169–211 [12].

мышлений ради возрождения древней религиозной метафизики. Одна из причин здесь лежит в свойственной якобы Соловьёву онтологической ошибке – убеждении, что простое указание на объект означает его существование, независимое от индивидуального сознания. При этом ценнейшими достоинствами философии позднего Соловьёва являются, с точки зрения Немета, протофеноменологическое неприятие картезианства, защита Соловьёвым свободы воли и развиваемая им этика добродетели. При всей верности отдельных критических замечаний американского исследователя в адрес Соловьёва следует отметить, что все же именно страстная увлеченность Соловьёва, никогда не стремившегося стать узко специализированным кабинетным ученым, и широта его кругозора, необходимо сказывающегося на глубине погружения в частные, отдельные вопросы, сформировали ту масштабную фигуру, на почве наследия которой затем во многом и выросла многообразная философская проблематика Серебряного века.

Необходимо отметить, что исследования Т. Немета отличает довольно критическое отношение не только к философскому наследию Владимира Соловьёва, но и к истории отечественной философии в целом. Фактически Томас Немет продолжает здесь критическую линию Эрнеста Радлова, Томаша Масарика и Густава Шпета, с историко-философскими позициями которых не раз и сам себя прямо соотносит. С его точки зрения, родовая особенность русской философской мысли – фактическое пренебрежение эпистемологической проблематикой и неизменный приоритет онтологии. При этом складывается устойчивое впечатление, что для Т. Немета эта особенность труднообъяснима и представляет собой своеобразную загадку. Прежде всего, для него очевидна определенная искаженность подобной перспективы, в которой исследование того, что есть, фактически не имеет, с его точки зрения, оснований в предварительном исследовании условий возможности знания как такового. Однако возможное – и, наверное, наиболее очевидное – объяснение данной особенности, склонность к которому то здесь, то там, как кажется, прорывается на страницах рассматриваемых исследований, религиозным, а точнее говоря, конфессиональным контекстом формирования русской философской традиции вряд ли может претендовать на то, чтобы быть исчерпывающим. Только с появлением целой плеяды русских неокантианцев, казалось бы, появился, по мнению Т. Немета, шанс преодолеть в русской философии «мертвую хватку онтологизма»⁶. Однако, по собственному признанию исследователя, дальнейшие судьбы неокантианства как такового, проблематика русского дореволюционного неокантианства и дальнейшие пути русских неокантианцев в эмиграции показывают, что такой вариант развития событий был все же весьма маловероятен. Во-первых, вызов, с которым столкнулось немецкое неокантианство 1920-х годов, был связан именно с онтологизмом (в частности, Мартина Хайдеггера и Николая Гартмана). Во-вторых, с самого

⁶ См.: Nemeth T. Kant in Imperial Russia. P. 359.

начала русское неокантианство тяготело, опять же, к этике и теории ценностей, а не к эпистемологии как таковой. И наконец, в-третьих, творческие судьбы многих русских неокантианцев были отмечены последующим уходом от философской проблематики, по крайней мере в неокантианском духе (С.И. Гессен, Ф.А. Степун, И.И. Лапшин, С.Л. Рубинштейн). Все это заставляет предположить, что данная специфика отечественной философии продолжила бы оставаться определяющей, даже если философский дискурс рубежа XIX–XX веков продолжил бы спокойно развиваться.

Для исследований Т. Немета характерно и стремление осмыслить русскую философскую традицию как целостность не только в указанном выше аспекте (онтологизм как определяющая парадигма). Он продолжает, хотя и с рядом оговорок, линию ее гуманистической интерпретации. Согласно этой линии, именно гуманистическая традиция оказывается наиболее широким течением русской философской мысли: по мнению Т. Немета, в истории русской философии можно выделить христианский, марксистский и кантианский гуманизм, в каждом из которых ценность личности и проблема человеческого достоинства оставались в центре внимания, хотя обосновывались различным образом и имели различные импликации⁷. При этом высшим проявлением гуманистической традиции исследователь объявляет кантианский гуманизм, основанный на признании абсолютной ценности человеческой личности именно по причине имеющейся у нее способности разума. Внимание к природе разума далеко не всегда было сильным местом отечественных религиозно-философской и марксистской традиций, в силу чего история русской философии в этой интерпретации оказывается, в интерпретации Немета, историей беспрестанного отклонения от кантовского гуманизма и постоянных попыток вернуться к его наследию⁸.

Таким образом, ключевыми характеристиками русской философии, определяющими ее специфику (причем речь идет не только о религиозно-философском изводе отечественной мысли), оказывается, по мнению Т. Немета, приоритетное внимание к проблемам онтологии (в ущерб эпистемологии) и гуманизма. Неудивительно в этой связи, что одно из важнейших мест в штудиях Т. Немета занимает философия Владимира Соловьева, для творчества которого оба указанных момента оказываются конституирующими. В подобной панораме истории русской философии Соловьев занимает место не просто ро-

⁷ См.: Немет Т. Кантианский этический гуманизм в поздней императорской России // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 3. С. 58 [14].

⁸ См. об этом также: History of Russian Philosophy. 1830–1930 / ed. by G.M. Hamburg, R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010 [15]. Авторы этого коллективного исследования пытаются представить историю русской религиозно-философской мысли как развитие определенной гуманистической традиции, отличающейся особым способом философствования и особым вниманием к проблеме достоинства личности, в чем усматривается фундаментальное влияние творчества Иммануила Канта.

дона начальника отечественного философского идеализма, но фигуры, предопределившей ключевые особенности развития русской философии практически во всем многообразии ее направлений.

Помимо уже упоминаемой выше работы Т. Немета о позднем Соловьеве, ему принадлежит недавнее исследование, посвященное раннему этапу творчества философа⁹. Эта работа также демонстрирует то фундаментальное значение, которое Немец отводит творчеству Владимира Соловьева в истории русской философии. Эпоха последнего оказывается, по его мнению, временем упущенных возможностей: именно в последнюю четверть XIX века русская философская мысль окончательно приобретает «общий религиозный настрой в сочетании с заметной нетерпимостью к эпистемологической проблематике»¹⁰. И хотя в указанной работе немало места уделено творчеству П.Д. Юркевича, В.Д. Кудрявцева-Платонова, славянофилам, прямо и косвенно повлиявшим на Соловьева, именно последний окончательно формирует и закрепляет указанные выше пути – а, с точки зрения Немета, скорее беспутия – русской философской мысли. Своей критикой западной философии ранний Соловьев сознательно открывал для религиозной веры возможность возвращения в пространство философского мышления: демонстрируя исчерпанность его направлений, каждое из которых, пусть и по-своему, не признавало религиозную веру в качестве источника знания, Соловьев формировал таким образом условия «религиозного пробуждения», всей своей деятельностью приглашая к участию в нем не только академическую общественность, но и широкие слои российской публики. Проект молодого Соловьева, в оценке Немета, отличался чрезвычайной амбициозностью и своеобразной бескомпромиссностью, несмотря на декларируемое стремление к синтезу: «Соловьев пришел в философию не решать ее традиционные проблемы, а в подобной Гегелю манере вытеснить их» [16, р. 221]. Борьба с релятивизмом заставляет Соловьева обратиться к метафизике в поисках незыблемых принципов и начал. Именно эти усилия становятся определяющими для творчества Соловьева, их масштаб полностью захватывает его внимание, не позволяя сосредоточиться на частных (и куда более ценных, по мнению Немета, с чисто философской точки зрения) задачах – отдельных проблемах, которые Соловьев ставит на высоте своего времени как бы по ходу дела, не проявляя должной настойчивости и основательности в их разрешении. Это относится прежде всего к осознанию проблематичности кантовской концепции вещи-в-себе, а также сущностной для человека потребности в метафизике. Не менее существенным для молодого Соловьева оказывается проблема объективности: центральную роль в раннем творчестве философа фактически играет основополагающий вопрос об основаниях чувства объективности, которым обладают интенциональные объекты нашего восприятия. В последующие

⁹ Nemeth T. *The Early Solov'ev and His Quest for Metaphysics*. Springer, 2014 [16].

¹⁰ Там же. Р. X.

годы развития европейской философии эти темы станут во многом определяющими, но, увлеченный иным, Соловьев уходит в другие сферы, и именно этот его уход оказывает конституирующее влияние на следующие поколения русских философов.

Отдельного упоминания заслуживает новый перевод ключевой работы Вл. Соловьева «Оправдание добра» на английский язык, осуществленный Т. Неметом. Вплоть до выхода нового перевода (2015 г.) в англоязычном мире использовался перевод Натали Даддингтон (урожденная Наталья Александровна Эртель, 1886–1972), выполненный еще в 1918 г. Прежде всего обращает на себя внимание, что перевод Т. Немета впервые делает доступным на английском языке текстологию «Оправдания добра». Перевод, основанный на издании 1899 года, сопровождается многочисленными постраничными сносками, отсылающими к текстологическим вариантам «А» и «В»: вариант «А» соответствует журнальной, т.е. первоначальной версии текста (1894–1896 гг.), вариант «В» – изданию 1897 года. Следует отметить при этом, что данные примечания основаны на фундаментальной работе, проведенной Л. Мюллером и его сотрудниками в процессе подготовки немецкого собрания сочинений Вл. Соловьева, но не сводятся к ней¹¹. Данная текстологическая работа позволяет не только глубже проникнуть в творческую лабораторию выдающегося русского философа, но и проследить эволюцию его взглядов уже в процессе написания «Оправдания добра» (1894–1896 гг.) и последующей авторской редакторской работы над текстом (1897, 1899 гг.). Текст также сопровождается комментарием справочного и историко-философского характера. Последний, впрочем, достаточно лапидарен, что, однако, легко объяснимо: обширный историко-философский комментарий к «Оправданию добра» требует детальной реконструкции не только философских, но и правовых, экономических, литературно-критических дискуссий в России последней четверти XIX века – дискуссий, на которые Вл. Соловьев так или иначе, скрытым или явным образом, откликался в своем трактате. Подобная задача вряд ли может быть выполнена в рамках издания, главная цель которого – представить одно из главных произведений Вл. Соловьева англоязычной научной и широкой общественности в более полном виде, прежде всего с точки зрения истории самого текста, а не контекста его создания, развития или рецепции современниками. Впрочем, в предисловии переводчика и редактора эта задача фактически отчетливо ставится как важнейшая составляющая будущих исследований этого ключевого для Вл. Соловьева произведения, а выстраиваемые в качестве примера контуры контекста соловьевского предисловия к 1-му изданию трактата («Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии») – дискуссия о смысле жизни Н.И. Кареева и А.И. Введенско-

¹¹ См.: Solowjew V. Die Rechtfertigung des Guten. Eine Moralphilosophie // Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew. Bd. 5 / hrsg. von L. Müller. München: Erich Wewel Verlag, 1976 [17]; Wembris B. Der russische Text der “Rechtfertigung des Guten” (“Opravdanie dobra”) von Vladimir Solow’ev. Dünaburg: Lettland, 1973 [18].

го (1895–1896 гг.) – вполне определенно обрисовывают плодотворный потенциал подобной реконструкции.

Что касается самого перевода, то примечательными кажутся два момента. Во-первых, переводчик старается следовать устоявшейся традиции перевода ключевых понятий соловьевской философии (например, «всеединство» – *all-unity*, «богочеловечество» – *divine humanity*). Во-вторых, Т. Немет признается, что наиболее сложным вызовом в переводе «Оправдания добра» стала передача значения ключевого термина трактата – «добро»¹². Кроме этого термина в русском языке есть слово «благо» – оба термина во многих случаях используются взаимозаменяемым образом. Однако в иных, не менее распространенных случаях между ними существует различие: «добро» используется в моральном контексте, в то время как «благо» – в контексте материального благополучия. Английское *good* также двусмысленно и может иметь оба указанных смысла (условно говоря, «моральный» и «материальный»). Ситуация осложняется тем, что если в ранних главах Соловьев не проводил этого различия, то затем, по мере работы над трактатом, попытался его четко провести и зафиксировать в главах «Мнимые начала практической философии» и «Личность и общество». Выход был найден в переводе «добра» и «блага» как *moral good* и *real good* соответственно, что, с нашей точки зрения, является более удачным вариантом, чем вариант, предложенный Н. Даддингтон, переведшей «благо» как *happiness* («счастье») ¹³. Вызывает вопрос, однако, заявленное в предисловии переводчика стремление использовать там, где это возможно, «гендерно нейтральную терминологию»¹⁴. Впрочем, интенция, объяснимая веяниями времени, не приводит к многочисленным изменениям авторского текста. Как правило, она касается присущей современному английскому языку тенденции употреблять оба «гендерных» местоимения третьего лица единственного числа в характерной связке.¹⁵ Подобный перевод, с одной стороны, является очевидной уступкой совре-

¹² См.: Solov'ëv V. Justification of the Moral Good. *Moral Philosophy* / transl. by T. Nemeth. Springer, 2015. P. XLVIII [19].

¹³ Ср. переводы начала главы «Личность и общество»: «Мы знаем, что добро в своем полном смысле, включающем и понятие блага или удовлетворение, определяется окончательно как действительный нравственный порядок, выражающий безусловно должное и безусловно желательное отношение каждого ко всему и всего к каждому» [20, с. 303]. Duddington: «We know that the good in its full sense, including the idea of happiness or satisfaction, is ultimately defined as the true moral order which expresses the absolutely right and the absolutely desirable relation of each to all and of all to each» [21, p. 199]. Nemeth: «We know that the complete sense of the moral good, which also includes the concept of the real good or satisfaction, is ultimately defined as the real moral order. The latter expresses the unconditionally proper and desirable relation of each of us to the whole and of the whole to each of us» [19, p. 177].

¹⁴ См.: Solov'ëv V. Justification of the Moral Good. *Moral Philosophy* / transl. by T. Nemeth. P. XLVI.

¹⁵ Ср., например: «Следовательно, выходит, что разочарованный и отчаявшийся самоубийца ..., он надеялся на то, что жизнь будет идти, как ему хочется, будет всегда и во всем лишь прямым удовлетворением его слепых страстей и произвольных прихотей, т.е. будет бессмыслицею, – в этом он разочаровался и находит, что не стоит жить» [20, с. 64]; «It follows from this that the dis-

менным тенденциям англоязычного культурного мира, с другой – минимально идеологичен в своем стремлении ограничиваться исключительно стилистическими моментами.

Западное соловьевоведение и, говоря шире, исследования русской философии имеют богатую историю, ориентируясь, как правило, на два ключевых направления работы: научно-исследовательский анализ российского философского наследия и работу по презентации отечественных философских источников. Однако даже в этом конкурентном контексте исследования Томаса Немета выделяются, во-первых, стремлением к скрупулезной историко-философской реконструкции исследуемых интеллектуальных контекстов, а во-вторых, детальным знакомством с российской научно-исследовательской литературой, что позволяет, на наш взгляд, говорить о его лидирующих позициях в современной западной историографии русской философии. При всем критическом отношении к Владимиру Соловьеву и русской философии в целом исследования Томаса Немета отличаются стремлением продемонстрировать, что для них характерны не только темы национального своеобразия России и ее места в мире, религиозная насыщенность философской мысли, – то, что, как правило, и выставляется на первый план как в отечественных, так и в зарубежных работах по истории русской философии, приводя, по его собственному признанию, к широко распространенному на Западе мнению, что философия в России не имеет отношения к тому, что под этим обычно понимается современным западным студентом¹⁶. Следует признать, что рисуемая им картина – при всей неоднозначности не только отдельных выводов, но и ряда исходных положений его исследований – делает панораму истории русской философии куда объемнее, чем это обычно представляется.

Список литературы

1. Межуев Б.В. Как Владимир Соловьев не стал Эдмундом Гуссерлем (Размышления над книгой Т. Немета) // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 139–147.
2. Межуев Б.В. Первое путешествие на темную половину. По поводу книги Томаса Немета «Поздний Соловьев. Философия в имперской России» // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 150–159.
3. Nemeth T. Kant in Imperial Russia. Springer, 2017. 389 p.
4. Shpet G. Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology / ed. and transl. by T. Nemeth. Springer, 2019. 304 p.
5. Nemeth T. Gustav Shpet's Path Towards Intersubjectivity // Husserl Studies. 2014. Vol. 30. № 1. P. 47–64.

appointed and despondent suicide was disappointed and despondent not over the meaning of life, but, on the contrary, in the hope that life is meaningless. That is, this person had hoped life would continue as *he or she* had wanted it to continue, that it would always and in everything be merely a direct satisfaction of one's blind passions and arbitrary whims. That is, *he or she* had hoped that life would be an absurdity» [19, p. LIX].

¹⁶ См.: Nemeth T. The Early Solov'ev and His Quest for Metaphysics. P. XIX.

6. Nemeth T. The Young Losev As Phenomenologist // *Studies in Eastern European Thought*. 2015. № 67. P. 249–264.
7. Nemeth T. Aleksandr I. Vvedenskij on Other Minds // *Studies in Eastern European Thought*. 1995. № 47. P. 155–177.
8. Nemeth T. From Neo-Kantianism to Logicism: Vvedenskij's Mature Years // *Studies in Eastern European Thought*. 1999. № 51. P. 1–33.
9. Nemeth T. The Rise of Russian Neo-Kantianism: Vvedenskij's Early 'Critical Philosophy' // *Studies in Eastern European Thought*. 1998. № 50. P. 119–151.
10. Nemeth T. Debol'skij and Lesevič on Kant: Two Russian Philosophies in the 1870-s // *Studies in Eastern European Thought*. 1993. № 45. P. 281–311.
11. Nemeth T. Kant in Russian: Lavrov in the 1860-s – A New Beginning? // *Studies in Eastern European Thought*. 1992. № 43. P. 1–36.
12. Nemeth T. Karpov and Jurkevič on Kant: Philosophy in Service to Orthodoxy? // *Studies in Eastern European Thought*. 1993. № 45. P. 169–211.
13. Nemeth T. *The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia*. Springer, 2019. 317 p.
14. Немет Т. Кангианский этический гуманизм в поздней императорской России // *Кантовский сборник*. 2018. Т. 37, № 3. С. 56–76.
15. *History of Russian Philosophy. 1830–1930* / ed. by G.M. Hamburg, R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. XV + 423 p.
16. Nemeth T. *The Early Solov'ev and His Quest for Metaphysics*. Springer, 2014. 261 p.
17. Solowjew V. Die Rechtfertigung des Guten. Eine Moralphilosophie // *Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew*. Bd. 5 / hrsg. von L. Müller. München: Erich Wewel Verlag, 1976. 884 s.
18. Wembris B. Der russische Text der "Rechtfertigung des Guten" ("Opravdanie dobra") von Vladimir Solov'ev. Dünaburg: Lettland, 1973. 258 s.
19. Solov'ev V. Justification of the Moral Good. *Moral Philosophy* / transl. by T. Nemeth. Springer, 2015. 435 p.
20. Соловьёв Вл.С. *Оправдание добра*. М.: Академический проект, 2010. 671 с.
21. Solovyov V. *The Justification of the Good: An Essay on Moral Philosophy* / transl. by N.A. Duddington. London: Constable, 1918. 475 p.

References

(Sources)

Individual works

1. Nemeth, T. *The Early Solovyov and His Quest for Metaphysics*. Springer, 2014. 261 p.
2. Nemeth, T. *Kant in Imperial Russia*. Springer, 2017. 389 p.
3. Nemeth, T. *The Later Solovyov. Philosophy in Imperial Russia*. Springer, 2019. 317 p.
4. Shpet, G. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Springer, 2019. 304 p.
5. Solowjew, V. Die Rechtfertigung des Guten. Eine Moralphilosophie. *Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew*. Bd. 5. München: Erich Wewel Verlag, 1976. 884 s.
6. Solov'ev, V. *Justification of the Moral Good. Moral Philosophy*. Springer, 2015. 435 p.
7. Solov'ev, V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2010. 671 p.
8. Solovyov V. *The Justification of the Good: An Essay on Moral Philosophy*. London: Constable, 1918. 475 p.

(Articles from Scientific Journals)

9. Mezhuiev, B.V. Kak Vladimir Solov'ev ne stal Edmundom Gusserlem (Razmyshleniya nad knigoy T. Nemeta) [How Vladimir Solovyov did not become Edmund Husserl (Reflections on the book by T. Nemeth)], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 7, pp. 139–147.

10. Mezhuiev, B.V. Pervoe puteshestvie na temnyu polovinu. Po povodu knigi Tomasa Nemeta «Pozdny Solov'ev. Filosofiya v imperskoy Rossii» [The First Trip to the Dark Half. About Thomas Nemeth's Book "The Late Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia"], in *Solovyov Studies*, 2020, issue 1(65), pp. 150–159.

11. Nemeth, T. Aleksandr I. Vvedenskij on Other Minds. *Studies in Eastern European Thought*, 1995, no. 47, pp. 155–177.

12. Nemeth, T. Debol'skij and Lesevič on Kant: Two Russian Philosophies in the 1870-s. *Studies in Eastern European Thought*, 1993, no. 45, pp. 281–311.

13. Nemeth, T. From Neo-Kantianism to Logicism: Vvedenskij's Mature Years. *Studies in Eastern European Thought*, 1999, no. 51, pp. 1–33.

14. Nemeth, T. Gustav Shpet's Path Towards Intersubjectivity. *Husserl Studies*, 2014, vol. 30, no. 1, pp. 47–64.

15. Nemeth, T. Kantianskiy eticheskiy gumanizm v pozdney imperatorskoy Rossii [Kantian Ethical Humanism in Late Imperial Russia], in *Kantovskiy sbornik*, 2018, no. 37(3), pp. 56–76.

16. Nemeth, T. Kant in Russian: Lavrov in the 1860-s – A New Beginning? *Studies in Eastern European Thought*, 1992, no. 43, pp. 1–36.

17. Nemeth, T. Karpov and Jurkevič on Kant: Philosophy in Service to Orthodoxy? *Studies in Eastern European Thought*, 1993, no. 45, pp. 169–211.

18. Nemeth, T. The Rise of Russian Neo-Kantianism: Vvedenskij's Early "Critical Philosophy". *Studies in Eastern European Thought*, 1998, no. 50, pp. 119–151.

19. Nemeth, T. The Young Losev As Phenomenologist. *Studies in Eastern European Thought*, 2015, no. 67, pp. 249–264.

(Monographs)

20. Hamburg, G.M., Poole, R.A. (eds.). History of Russian Philosophy. 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

21. Wembris, B. *Der russische Text der "Rechtfertigung des Guten" ("Opravdanie dobra") von Vladimir Solov'ev*. Dünaburg, Lettland, 1973. 258 s.